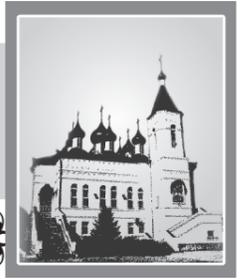

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Святитель Николай Велемирович в «Письмах из темницы» говорит среди прочего о том, за что Бог сегодня (в его дни) может строго спросить с сербов. Я это читал, понимая, что к русским это тоже вполне относится. Перечисляет святой Николай множе-

Слово пастыря

ство безбожных или пустых книг, которые печатают, вместо того, чтобы через печать вразумлять, учить и наставлять людей в вере Божией. Говорит о школе, которая не столько учит, сколько калечит учеников атеизмом и гордостью. Много чего говорит. Есть там слова и об абортах, и о разводах. Есть и о «мужчинах, достигших зрелости, но не связанных браком». Эти – тоже фактор всенародной вины. Больше ни у кого ничего подобного я не встречал. Никогда! Следовательно, нужно на этой мысли остановиться и ее развить.

Зрелый мужчина, не вступивший в брак, – это явление повсеместное, многочисленное. И это не аскет, давший обет безбрачия. Напротив, это некий Карлсон, пребывающий «в полном расцвете сил». Тот ел варенье и летал. Этот тоже летает и ест специфическое варенье. Свободный от брака зрелый мужичок и не думает жить на земле свято, мирно и безгрешно. Ни за кого не отвечая и ни о ком не заботясь, такой персонаж удовлетворяет несколько страстей на выбор. Лень, если он тунеядец и бездарь. Гордость с тщеславием, если он трудолюбив и сребролюбец. И уж точно – блуд, поскольку он никому ничем не обязан, а количество женщин превышает количество мужчин, и большинство из них глубоко несчастны. Трутню есть где разгуляться. Это только по ранней юности кажется, что мужчина остро нуждается в девичьей красе, а эта последняя холодна и неприступна. Взрослая жизнь кричит в оба уха, что мужчина женщине нужен гораздо больше, чем она ему. Поэтому, повторяю, трутню есть где разгуляться. И не надо связывать себя никакими узами и обязательствами. Благо, сошедший с ума мир поет с утра до вечера песню о свободе, о «чистых отношениях» без штампов в паспорте, о грехе собственничества относительно партнера, то есть о запрете на ревность, и т.п. Теоретическая база для Содомы придумана и озвучена давно. И вот перед нами полнеющий и лысеющий мужичок, никогда не водивший ребенка в садик, не делавший с ним уроки et cetera, но по-своему успешный. В смысле, с образованием, с каким-то статусом в обществе. Он активен. Он даже теоретически знает, как наполнять бюджет страны (хотя, что такое бюджет семьи, в упор не знает). Он, положим, аргументированно критикует даже власти. Но сына не родил и, следовательно, в армию его, сдерживая слезы, не благословит. Чужих сыновей благословит или умно покрикует. Чего, мол, в Сирию поперлись! Он все знает. У него диплом. И лысыня. Он уважаем, но он... бытийственно бесполезен.

Ему не быть дедушкой. Старым хряком быть, а дедушкой – нет. И в монашество он не пошел, хотя, может, и православный. Я понимаю. Монашество – тоже семья, да еще какая! Послушание, братство, общий труд. И вот, вместо одного или другого креста (брака или монашества) – высоколобая бесполезность по причине страха брать на себя ответственность, по причине лени, по причине неумения никого любить. Тут еще и мамыши в возрасте подсуеются. Зачем тебе, сынок, какая-то стерва? Женщины, они знаешь какие? Обкрутят, кровь выпьют, покоя лишат. А ты у меня такой славный. И единственный. Борщик или супчик я тебе всегда сварю и рубашечку выглажу. Зачем тебе жениться? Тебе, вон, уже сорок три.

Мы приехали. В армии не служил, на севере не работал, детей не родил, дом не построил (да и некому). Жилплощадь (слово-то какое) получена родителями. Что-то читал, с кем-то пил, о

чем-то спорил. Даже кого-то жизни учил. А в принципе: кто ты? Обетов целомудрия не давал. Волей-неволей натер лысыню на чужих подушках. Чай не девственник. Сознательно выбрал эгоистическую модель бытия, вернее – существования. Теперь давай ругать всех подряд с видом знатока. Ругать многодетных таджиков, которые, мол, понаехали. Давай ругать страну за то, что концентрация демократии не соответствует европейскому стандарту. Давай вообще брюзжать, скулить и бормотать то на митинге, то на кухне о том, что все не так. И каждый раз – с чувством глубоко осознаваемого собственного достоинства. Вы видели таких типов? Которые полны достоинства, но ничего полезного не сделали?

«Лишние люди». Была такая тема в русской литературе. Всякие Онегины, порхавшие с бала на пьянку, а с пьянки – в деревню (за наследством), да так и проглядевшие собственное счастье. Плюс сердцееды-Печорины (смесь Байрона с Дон-Жуаном) и много еще кого. Это те, на кого вполне справедливо ополчалась критика позитивистов. Тунеядцы, сборщики ренты, салонные болтуны, составляющие жалкий процент населения, но тщасящиеся выставить себя солью земли. А за их спинами – молчаливые миллионы настоящих мужчин: работяг, которые прокладывают теплотрассы, поднимают самолеты в воздух, строят дома, создают семьи. Пашут всю жизнь, радуются простым вещам и никогда не жалуются. Если мы как народ до сих пор живы, то живы не благодаря «просвещенным» трутням, которые не то, что в бой не пойдут – женщину в жены взять не могут. Мы живы благодаря до сих пор неистребимому, хотя и настырно истребляемому, типу простого мужика. Отца, деда, молчуна, работяги. Это он на войне герой. А зимой на льду он – окованный рыболов. Добытчик.

Не надо всему подряд учиться у Запада. Нужно учиться и у Востока. На Востоке меньше неоновых огней, но там все еще есть семья. Там сопляк на старика рот не разевает. Там мужчина главный, но женщину все любят: и муж, и дети, и внуки. Там все кучкой живут, как пальчики в кулачке. Одиночества, полного и безнадежного, так, чтоб до самоубийства, до смертельной ненужности, там не встретишь настолько часто, как у европейцев. Если вообще встретишь. А коли встретишь, то безнадега будет современной Европой пахнуть. Там совета спрашивают у тех, кто уже внуков поженит. А того, кто вообще детей не рожал, не давая при этом обетов безбрачия, там с улыбкой стороной обойдут. И правильно сделают. Чему у них научишься?

Хочешь чему-нибудь меня научить, покажи мне детей своих. Сколько их у тебя? Как они к тебе относятся? И если власть лихо критикуешь, тоже покажи мне семью свою. Дай-ка я разок посмотрю, как ты навел порядок среди четырех человек, если так смело и уверенно советуешь наводить порядки среди полтора миллиона. Давайте сделаем вообще семейность главным критерием оценки человеческой деятельности. Кто в семье не хозяин – цыц чужую бесхозяйственность критиковать. Ну и так далее по списку добродетелей. Раньше ведь отец был одновременно судья и хозяин, а во время войны – военачальник. Евреи вообще бездетным запрещали судьями становиться. Знаете почему? Потому что «бездетные жестоки!» Они в подсудимом сына или дочь не видят. Им легче суровые приговоры выносить. Понимаете? В общем, давайте помозгуем о том, как семейные добродетели сделать критерием оценки человеческой деятельности. Сразу станет понятно, кому радостно руку жать и чьи слова в блокнот записывать, а мимо кого проходить, головы не поворачивая.

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику

В нашем приходе на масленицу в храме ели блины, накрыли столы, каждый брал, что хотел, и тут же ел. Не это ли запрещает Правило Святого Вселенского VI Собора 74-е: «Не должно в местах, посвященных Господу, или в церквах, совершать так называемые трапезы братолюбия, и внутри храма есть, и ложе постилать. Сие же творить дерзающие, или да престанут, или да будут отлучены?»

В соборном правиле говорится о запрещении так называемых вечереи любви – агап – из-за беспорядков, происходивших на них. Эти трапезы принимали вид пиршеств и становились все более несоответствующими святости храма, в котором они совершались. Уже в посланиях апостола Павла имеется предостережение против злоупотреблений и беспорядков, которые возникали на этих трапезах и служили соблазном для язычников.

Что же касается угощения блинами, то, как я понимаю, это желание со стороны настоятеля продолжить старый русский обычай – есть блины на масленице. Но, может быть, целесообразнее было накрывать столы и угощать прихожан вне храма.

Можно ли через молитвы прийти до желаемого? Как правильно молиться и просить?

Через молитву можно получить желаемое, если оно действительно нужно для человека. Но мы не можем точно знать, что благо для нас. Поэтому Господь нередко исполняет наши молитвы не в том виде, в котором мы бы желали, а так как полезнее для нас.

Надо надеяться, что всякая молитва исполнится, но предоставить это божественному всеведению. Поэтому слава Богу, когда Он дал, и слава Богу, когда Он не дал, то есть дал в другом и гораздо лучшем виде. Всякое прошение к Богу надо заканчивать словами: «Господи, да будет воля Твоя, а не моя».

Как правильно поступить, если ребенка крестили одним именем, а в свидетельстве о рождении записали другое имя? Родители начитались в интернете различных статей о наведении порчи через имя и т.д. А сейчас возникли проблемы, т.к. ребенок воцерковлен, причащается с именем, данным ему при крещении, а в садике, в домашнем окружении его называют совершенно другим именем.

Имя, данное при крещении – сакрал, связывающий человека со святым, носящим это имя. А другие имена не имеют такого значения для человека, они просто наименования, вроде индекса или номера. Однако если второе имя привыкло употребляться дома и оно присутствует в документах, то не надо делать из этого проблемы.

Если же родители называют ребенка другим именем с целью отвести от него злую силу, вроде магического приема и так называемых оберегов, – то это суеверие и грех, неприемлемый для христианина. В храмовой и домашней молитвах необходимо употреблять имя, данное при крещении.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

О Масленице

Масленица так называется потому, что в этот период времени, т.е. в течение недели перед Великим Постом, разрешается вкушение сливочного масла, а также молочные продукты и рыба.

Масленица обычно в народе празднуется, как особое время, когда можно предаваться разным играм, катаниям и многим разным развлечениям, которые сопровождаются обильными яствами и питьем. Святитель Тихон Задонский, обращаясь к своей пастве Воронежской, не очень одобрительно высказывается относительно празднования Масленицы. Он говорит, что масленицу почти все ожидают как какой-то великий праздник, приготавливают разные кушанья, запасаются вином. И когда наступает празднование, друг друга зовут в гости и друг друга посещают. Святитель Тихон говорит: «Стыд лицо мое покрывает, когда говорю о том, как православные христиане празднуют Масленицу», – затем говорит, что самое празднование Масленицы – это дело языческое. У язычников был бог ложный, изобретатель всякого пьяного питья, он назывался по-гречески Вахос. Сему скверному божку язычники установили особые в году праздники, которые и доныне по их наименованию называются вакханалии, они проходят в пьянстве, обедении, в бесчинных играх и разных мерзостях. Такое празднование Масленицы делает человека недостойным даже называться христианином, потому что он не слушается указаний святой Церкви.

Церковь на период масленой недели ограничивает своих чад церковных в пище, не разрешает вкушения мяса, в богослужении в среду и в пятницу не совершается литургия по ее торжественности, церковная служба совершается по великопостному чинопоследованию, с поклонами. На масленой неделе мы должны подумать, как нам принести искреннее покаяние в течение Великого Поста, чтобы души наши воскресли к Пасхе вместе с Воскресшим Христом и чтобы Он сподобил нас радоваться вечной радостью вместе с ним и со всеми святыми, прославляя Святую Троицу во веки веков.

Протоиерей Анатолий Малинин

НОВОСТИ

13.02.2017. В Молдавии разгорелся скандал из-за отсутствия креста на флаге во время поездки президента в Иран. На гербе, изображенном на флаге, отсутствовало изображение креста в клюве орла, а также скипетра. Ряд СМИ обратил внимание на искажение герба. Журналисты обвинили главу государства в профанации официальных символов, напомнив, что Игорь Додон победил на недавних президентских выборах под лозунгами о защите православия и христианских ценностей.

13.02.2017. На Украине раскольники захватили еще один храм Украинской Православной Церкви. Захвачен храм села Котюжины в Тернопольской области.

14.02.2017. Патриарх Александрийский прибыл с визитом в Демократическую Республику Конго. Патриарх Феодор II совершил Божественную литургию в Благовещенском соборе в Киншасе, в которой приняли участие около 5000 православных христиан.

15.02.2017. Значительная часть прихожан церкви США поддерживает однополые браки. Наиболее многочисленными группами, выступающими против однополых браков, являются мормоны, евангелисты и Свидетели Иеговы.

16.02.2017. На Красной площади при участии Патриарха откроется детский турнир по хоккею с мячом «Кубок Патриарха». Святейший Патриарх Кирилл является одним из попечителей Федерации русского хоккея.

17.02.2017. Католикос-Патриарх Грузии выступил с первым заявлением в СМИ после перенесенной хирургической операции. В Германии Предстоятель Грузинской Церкви перенес операцию на желчном пузыре.

«Ваша философия» и другие рассказы протоиерея Алексея Лисняка

Окончание. Начало в № 37 (377)

Так проходит около часа.

Но вот графин пуст, «молитва» окончена, и наступает пора с душкой прощаться, «чтоб она по ночам по дому не шастала, спать не мешала». Под руководством Петровны народ валит на двор. Здесь на столе уже приготовлен венник и ведро с квасом.

— Хрен в квас добавлять грех! — об этом «монашка» всегда напоминает, и народ внемлет, греха боится. — Не то душа хреново полетит.

Петровне подносят ковш безгрешного кваса, она отпивает, остатками плескает из ковша в народ. Хватает ведро, венник и отправляется кропить все четыре угла дома. Возвращается, грозно всех оглядывает. Ступает в дом, кропит там, раскрывает окна и начинает в доме шуметь — «покойника изгонять». Пошумев-погромыхав, является к народу и призывает публику глазеть по сторонам, «высматривая душу». Пролетает ли птица, жук, или муха, или просто несет ветром сор, Петровна указывает в сторону летящего предмета и восклицает: «Смотрите! Полетела! Понеслась душа в рай!»

Миссия выполнена, душа в рай. Люди улыбаются. Счастье! «Выгнали-таки своего покойника на небеса!»

А тем временем, пока дом покойного сотрясает традиционная обрядовая свистопляска, он уже прошел все мытарства. Ангелы поставили его перед Божиим престолом. Господь, Который Своими страданиями на Кресте открыл для всех нас райские двери, предлагает рай и новопреставленному. И если тот преуспел в поспе, то вполне может отправиться в чертоги, где святые постники. Если же человек преуспел в братолюбии, то место ему среди милосердных братолюбивых святых. Если усвоил истовый причастник, значит ему дорога туда, где святые, что причащались. Но вот беда: новопреставленный — такой же «святий», как и все мы. А значит, ни с постниками, ни с милосердными, ни с причастниками ему не по пути. Не готов! Не делал сего! Ужас! Нет святых подвигов! Зато грехов, оказывается!.. Неужели не найдется ему в раю места? Неужели ему отправляться туда, где злые и немилосердные, где сквернословы и чревоугодники, где стоит плач и скрежет зубов? На что теперь надеяться, когда ничего в жизни уже не исправить? Может, хотя бы по горячим молитвам сродников Господь помилует и избавит от мук? Где вы, родственники, с вашими молитвами? Где? Просите, должно быть, Господа в церквях о моем прощении?..

Отнюдь. Сродники, мокрые от кваса, уже за столом. Во главе стола Петровна. Ей хорошо. Она произносит первый тост, за успешный отход души. Потом второй, «за то, чтоб душа не вернулась, — не чокаясь». Потом — за свою священную сорокоушку, «а иначе как же? всегда-испокон».

И сколько крещеного люда из-за подобных народных традиций осталось без отпевания, без поминовения и без последующих молитв об их упокоении, — сие одному Богу ведомо...

Семеныч, когда еще церковь в селе не работала, справлялся раз у Петровны, по какому-де чину она правит свой ритуал и не лучше ли почитать Псалтырь, отслужить обедню с панихидой, заказать в каком-нибудь приходе сорокоуст, помолиться? Но та возмущалась:

— Как-как ты сорокоушку называешь? «Сорокоуст»? Болван! А туда же, грамотный! Проводы души — испокон веку, традиция. А ты кто такой?

На этом ее объяснения закончились.

Однажды на «священные» манипуляции Петровны попал приезжий дальний сродник очередного покойного — человек интеллигентный. Рассказывали, помню, что он с любопытством разглядывал засаленную пожелтевшую книгу, которую «монашка» на минутку оставила на столе. Удивлялся весьма. Откуда, дескать, в исконом центральном-черноземном селе мог взяться этот раритет — «Социалистическое преобразование Советской Чувашии», да еще и изданный на чувашском? Но ему никто не ответил. Вскоре он убрался домой в Чебоксары и больше здесь не показывался.

...С той поры, как в селе открылся и служит-проповедует Божий храм, прошло уже многим больше десятка лет. Слово «сорокоушка» в народе стало, Божьей милостью, помаленьку забываться. Церковная тетрадь, куда Семеныч записывает сорокоусты, год от года толстеет.

Но только иной раз нет-нет да и видно, как постаревшая Петровна откуда-то бредет чуть свет пошатываясь. Традиция, что поделаться.

«Ведро незабудок» и другие рассказы Александра Богатырева

Куда подевались юродивые

Недавно, поднимаясь по лестнице в редакцию сайта «Православие.ру», я увидел висящие на стене фотографии, сделанные в Псково-Печерском и Пюхтицком монастырях в 1980-е годы. На одной из них были запечатлены мои старые знакомцы — юродивые странники Михаил и Николай. Михаил на две головы ниже своего соседа. В ширину — такой же, как и в высоту. В жилетке и с цилиндром на голове. Смотрит на нас хитро и весело. Под длинной поддевкой скрыты ноги, ненормально короткие при нормальном торсе. Николай — со склоненной влево головой, длинными свалывшимися волосами и с взглядом затуманенным и печальным. Тридцать лет назад встретив этот взгляд, я сразу понял: человек, смотрящий на другого человека такими глазами, очень далек от мира сего и не надо пытаться его вернуть в суетную, лукавую реальность.

В сентябре 1980 года мы с женой приехали в Псково-Печерский монастырь и после литургии оказались в храме, где отец Адриан отчитывал бесноватых. В ту пору каждый молодой человек, особенно городского обличия и одетый не в поношенное советское одеяние полувековой давности, переступая порог храма, привлекал к себе внимание не только пожилых богомольцев, но и повсюду бдящих строгих дядей, оберегавших советскую молодежь от религиозного дурмана. Внимание к нашим персонам мы почувствовали еще у монастырских ворот: человек с хорошо поставленным взглядом просветил нас насквозь и все про нас понял. Строгие взгляды я постоянно ловил и во время службы, но при отчитке несколько пар глаз смотрело на нас уже не просто строго, а с нескрываеваемой ненавистью. Были ли это бедолаги бесноватые или бойцы «невидимого фронта» — не знаю, да теперь это и неважно. Скорее всего, некоторые представляли оба «департамент». Я был вольным художником, и мои посещения храмов могли лишь укрепить начальство в уверенности, что я совсем не пригоден к делу построения светлого будущего. А вот жена преподавала в институте и могла лишиться места. Так что мысли мои были далеки от молитвенного настроения.

Мир, в который мы попали, был, мягко говоря, странным для молодых людей, не так давно получивших высшее образование, сильно замешанное на атеизме. На амвоне стоял пожилой священник с вклокоченной бородой и в старых очках с веревками вместо дужек. Он монотонно, запинаясь и шепелявя, читал странные тексты. Я не мог разобрать и сотой доли, но люди, столпившиеся у амвона, видимо, прекрасно их понимали. Время от времени в разных концах храма начинали лаять, кукарекать, рычать, кричать дурными голосами. Некоторые выдавали целые речевки: «У, Адриан-Адрианище, не жги, не жги так сильно. Все нутро прожог. Погоди, я до тебя доберусь!» Звучали страшные угрозы: убить, разорвать, зажарить живьем. Я стал рассматривать лица этих людей. Лица как лица. До определенной поры ничего особенного. Один пожилой мужчина изрядно смахивал на нашего знаменитого профессора — знатока семи европейских языков. Стоял он со спокойным лицом, сосредоточенно вслушиваясь в слова молитвы, и вдруг, услышав что-то сакральное, начинал судорожно дергаться, мотать головой и хныкать, как ребенок от сильной боли. Рядом со мной стояла женщина в фуфайке, в сером пуховом платке, надвинутом до бровей. Она тоже была спокойна до определенного момента. И вдруг, практически одновременно с «профессором», начала мелко тряситься и издавать какие-то странные звуки. Губы ее были плотно сжаты, и булькающие хрипы шли из глубин ее необъятного организма — то ли из груди, то ли из чрева. Звуки становились все громче и глуше, потом словно какая-то сильная пружина лопалась внутри нее — с минуту что-то механически скрежетало, а глаза вспыхивали зеленым недобрый светом. Мне казалось, что я брежу: человеческий организм не может производить ничего подобного. Это ведь не компьютерная графика и я не на сеансе голливудского фильма ужасов.

Но через полчаса пребывания в этой чудной компании мне уже стало казаться, что я окружен нашими милыми советскими гражданами, сбросившими маски, переставшими играть в построение коммунизма и стучать друг на друга. Все происходившее вокруг меня было неожиданно открывшейся моделью нашей жизни с концентрированным выражением болезненно-

го бреда и беснования. Так выглядит народ, воюющий со своим Создателем. Но люди, пришедшие в этот храм, кричавшие и корчившиеся во время чтения Евангелия и закликательных молитв, отличались от тех, кто остался за стенами храма, лишь тем, что перестали притворяться, осознали свое окаянство и обратились за помощью к Богу.

Когда отчитка закончилась, мне захотелось поскорее выбраться из монастыря, добраться до какой-нибудь столовой, поесть и отправиться в обратный путь. Но случилось иначе. К нам подошел Николка. Я заметил его еще на службе. Был он одет в тяжеленное драповое пальто до пят, хотя было не менее 15° тепла.

— Пойдем, помолимся, — тихо проговорил он, глядя куда-то вбок.

— Так уж помолились, — пробормотал я, не совсем уверенный в том, что он обращался ко мне.

— Надо еще тебе помолиться. И жене твоей. Тут часовенка рядом. Пойдем.

Он говорил так жалобно, будто от моего согласия или несогласия зависела его жизнь. Я посмотрел на жену. Она тоже устала и еле держалась на ногах. Николка посмотрел ей в глаза и снова тихо промолвил:

— Пойдем, помолимся.

Уверенный в том, что мы последуем за ним, он повернулся и медленно пошел в гору по брусчатке, казавшейся отполированной после ночного дождя. Почти всю дорогу мы шли молча. Я узнал, что его зовут Николаем. Нам же не пришлось представляться. Он слышал, как мы обращались друг к другу, и несколько раз назвал нас по имени.

Шли довольно долго. Обогнули справа монастырские стены, спустились в овраг, миновали целую улицу небольших домиков с палисадниками и огородами, зашли в сосновую рощу, где и оказалась часовенка. Николка достал из кармана несколько свечей, молитвослов и акафистник. Зателив свечи, он стал втыкать их в небольшую выступ в стене. Тихим жалобным голосом запел «Царю Небесный». Мы стояли молча, поскольку кроме «Отче наш», «Богородицы» и «Верую» никаких молитв не знали. Николка же постоянно оглядывался и кивками головы приглашал нас подпевать. Поняв, что от нас песенного толку не добьешься, он продолжил свое жалобное пение, тихонько покачиваясь всем телом из стороны в сторону. Голова его, казалось, при этом качалась автономно от тела. Он склонял ее к правому плечу, замысловато поводя подбородком влево и вверх. Замерев на несколько секунд, он отправлял голову в обратном направлении. Волосы на этой голове были не просто нечесаными. Вместо них был огромный колтун, свалывшийся до состояния рыжего валенка. (Впоследствии я узнал о том, что у милиционеров, постоянно задерживавших Николку за бродяжничество, всегда были большие проблемы с его прической. Его колтун даже королевские ножницы не брали. Приходилось его отрубать с помощью топора, а потом кое-как соскрести оставшееся и брить наголо.) Разглядывая Николкину фигуру, я никак не мог сосредоточиться на словах молитвы. Хотелось спать, есть. Ноги затекли. Я злился на себя за то, что согласился пойти с ним. Но уж очень не хотелось обижать блаженного. И потом, мне казалось, что встреча эта не случайна. Я вспоминал житийные истории о том, как Сам Господь являлся под видом убогого страдальца, чтобы испытать веру человека и его готовность послужить ближнему.

Жена моя переминалась с ноги на ногу, но, насколько я мог понять, старалась молиться вместе с нашим новым знакомцем. Начал он с Покаянного канона. Когда стал молиться о своих близких, назвал наши имена и спросил, как зовут нашего сына, родителей и всех, кто нам дорог и о ком мы обычно молимся. Потом он попросил мою жену написать все эти имена для его синодика. Она написала их на вырванном из моего блокнота листе. Я облегченно вздохнул, полагая, что моление закончилось. Но не тут-то было. Николка взял листок с именами наших близких и тихо, протяжно затянул: «Господу помолимся!» Потом последовал акафист Иисусу Сладчайшему, затем Богородице, потом Николаю Угоднику. После этого он достал из нагрудного кармана пальто толстенную книгу с именами тех, о ком постоянно молился. Листок с нашими именами он вложил в этот фолиант, прочитав его в первую очередь. Закончив моление, он сделал три земных поклона, медленно и торжественно осеняя себя крестным знаменем. Несколько минут стоял неподвижно, перестав раскачиваться, что-то тихонько шепча, потом повернулся к нам и, глядя поверх наших голов на собиравшиеся мрачные тучи, стал говорить.

Продолжение следует

Отметим

Говорил авва Исаия: «Тяжкое состояние, когда на устах святость, а в сердце беззаконие и злоба».

«Если человек не решится возложить на себя подвиг с таким самоотвержением, какое ощущается приготовившимся к насильственной смерти, и не сделает своего тела подобным тому телу, в каком пришел к нам Богочеловек: то не возмощет предстать пред Ним в радости и не освободится от горького рабства». *Поведав это, авва Исаия воскликнул:* «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй! Куда низверглась душа моя! В какой чистоте создана она! В каком рабстве находится ныне! Какою опутана суетою!»

Также говорил авва Исаия: «Умоляю тебя: доколе находишься в теле, не оставляй ни на минуту сердца твоего без хранения. Как земледelec не может признать надежным плод свой, доколе он находится на поле, и не знает, что может с ним случиться до того времени, как он сложится в кладовые: так и подвижник не может оставить сердца своего нехраняемым, «дондежедыхание есть в ноздреве» его (Иов. 27, 3). До самой кончины человека страсти сохраняют способность восставать в нем и неизвестно ему, когда и какая страсть восстанет; по этой причине он, доколе дышит, не должен оставлять бдительного наблюдения над сердцем своим; он должен непрестанно вопить к Богу, умоляя Его о помощи и помиловании».

Он приводил и следующие слова Апостола: «Идеже в вас зависти и рвения и распри, не плотстии ли есте и по человеку ходите?» (1 Кор. 3, 3).

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор — настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка — на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем — 1 печатный лист. Тираж — 120 экз.

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

19 фев., вс. — Неделя мясопустная, о Страшном Суде. Попрасудное Сретения Господня. Прп. Вукблa, еп. Смирнского. Прпп. Варсонифия Великого и Иоанна Пророка. Свт. Фотия Константинопольского. *Заговенье на мясо.*

20 фев., пн. — Попрасудное Сретения Господня. Прп. Парфения, еп. Лампсакийского. Прп. Лукй Елладского. Мчч. 1003 Никомидийских.

21 фев., вт. — Отдание праздника Сретения Господня. Вмч. Феодора Стратилата. Прор. Захарии Серповидца. Свт. Саввы II, архиеп. Сербского.

22 фев., ср. — Мч. Никифора. Обречение мощей свт. Иннокентия, еп. Иркутского. Обречение мощей свт. Тихона, патриарха Московского и всея России. Прп. Панкратия Печерского, в Дальних пещерах. Сщмч. Иоанна.

23 фев., чт. — Сщмч. Харалампия. Прп. Прѳора Печерского, в Ближних пещерах. Прп. Лонгина Коряжемского. Блгв. кн. Анны Новгородской.

24 фев., пт. — Сщмч. Власия, еп. Севастийского. Прп. Димитрия Прилуцкого, Вологодского. Блгв. кн. Всеволода, во Святом Крещении Гавриила, Псковского.

25 фев., сб. — Всех преподобных отцов, в подвиге просиявших. Йверской иконы Божией Матери. Свт. Алексия, митр. Московского и всея Руси.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!